

ЛЕПЕСТКИ РОЗ

The illustration features a large red rose on a green stem on the left side. Numerous red petals are shown falling from the rose, scattered across the upper half of the frame. In the lower center, a hand is reaching upwards, with fingers slightly spread, as if to catch the falling petals. The background is a soft, multi-colored gradient transitioning from purple and pink at the top to green and yellow in the middle, and finally to a dark purple and brown at the bottom. The bottom portion of the image shows the thorny, brown branches of a rose bush.

18+

Уолтер Жёлтый

Уолтер Жёлтый
Лепестки роз

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Жёлтый У.

Лепестки роз / У. Жёлтый — «ЛитРес: Самиздат», 2017

ISBN 978-5-5321-1794-5

У каждого есть секреты. У каждого есть воспоминания. Любой совершал ошибки в прошлом. Некоторые оплошности не удаётся исправить даже на протяжении всей жизни. Это история о любви, способной повернуть время вспять. Иногда страстной. Иногда слегка безумной. Порой доходящей до стадии эйфории, засасывающей в состояние замкнутости и безразличия к окружающему, словно чёрная дыра, ненасытно поглощающая всё в космическом пространстве. Обложка оформлена автором.

ISBN 978-5-5321-1794-5

© Жёлтый У., 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Воспоминания	5
Глава первая	6
Глава вторая	8
Глава третья	11
Реальность	13
Глава первая	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Воспоминания

***

А когда же это всё началось? Может, с рождения? Нет, глупости. Моё сознание начало меняться гораздо позже. Да. Точно. Всё началось тогда. В тот день...

Помнится, стоял сентябрь, но солнце жгло кожу сильнее, чем в июле...

Глава первая

«Розы... розы... розы... что же интересного и привлекательного находят девушки в этих колючих растениях?», думал я, витая в мечтах на уроке алгебры, «и почему сейчас, в сентябре, так жарко? Бред...».

– Морковкин, пойдёшь, завтра, на гаражи? – вернул меня в реальность знакомо-заинтересованный шёпот.

– Нет, Картошкин, – ответил я своему соседу по парте.

Похоже, что мой голос слишком громко ответил, ибо учитель грозно бросил взгляд в нашу сторону. Мы сделали вид, будто что-то пишем в тетради.

Однако Картошкин, в самом деле, что-то начеркал ручкой. Я пригляделся: «а если я скажу, что там будут красивые девчонки, ты всё равно не пойдёшь?».

«Понимаешь, «красивые» не значит «умные». Всё просто», написал я в ответ.

«Почему????????????», продолжил переписку Картошкин, напрягая свои пухлые щёки.

«Просто не хочу», резко ответил я и отвернулся.

– Ты сильно изменился за это лето, – произнёс мой сосед вслух свои мысли от нервного перенапряжения.

– Картошкин и Морковкин! Хватит болтать! – крикнул учитель, строго поправляя свои круглые очки.

Картошкин затих.

«Есть вещи важнее гаражей. Когда-нибудь, я надеюсь, ты это поймешь...», – написал я и углубился в учебник.

Со стороны могло показаться, что мне интересно изучение нового материала. Поэтому Картошкин фыркнул в ответ моему тексту и решил не отвлекать. Однако меня захватил не интерес к учебнику алгебры, а мысль о ней, «сегодня надо снова ей позвонить. Да, пожалуй, я наберу её после школы...».

Учитель что-то рассказывал о системе уравнений, нужной для решения задач с двумя переменными, а я удалялся всё дальше – ближе к концу июня, началу июля, в то самое время, когда встретил её и...

Звонок на перемену прервал моё витание в облаках.

Одноклассники повыпрыгивали из кабинета. Только Картошкин продолжал сидеть и супиться.

– Но почему ты так изменился? Почему? – продолжал он допрашивать, глядя на меня яркими зелёными глазами, скрывшимися за белокурой чёлкой. – Мы всегда были друзьями. С первого класса! Да что там! Мы подружились ещё в детском саду...

– Времена меняются. К тому же, ты собирался идти с девчонкой, – напомнил я.

– Я уже сказал ей, что приведу с собой друга, то есть тебя, – отвёл взгляд в сторону друг детства.

– Гм... а ты ей не сказал, что у твоего друга уже есть подружка?

– Но у тебя же... – посмотрел на меня Картошкин, уточняющим взглядом.

Я улыбочиво подмигнул.

– Да ладно! Серьёзно? Когда успел? – посыпались вопросы от соседа по парте.

– Ну, в конце июня...

Не успел я договорить, как мой сосед уже выбежал из класса.

– Эй! Вы слышали? Морковкин девушку завёл, – пошёл сплетничать Картошкин.

Мой взгляд непонимающе смотрел на происходящее: все удивлялись этой новости, как чему-то сверхъестественному. Я никак не предполагал такого поворота событий...

– А она из нашей школы? А она красивая? А сколько ей лет? Она вообще существует? – сыпались насмешливые или завистливые вопросы. Впрочем, как мне кажется, зависть рождает насмешку.

«Не ожидал от тебя такого Картошкин», подумал я и, развернувшись, ушёл в коридор.

«Меня выставили посмешищем. Тот, кого я считал другом, воткнул мне нож в спину...», моя душа начинала загораться яростью. Захотелось что-то ударить со всей злости, но голос моего старого друга остановил и немного успокоил меня.

– Миша, с тобой всё в порядке?

– Да, Стёпа. Всё хорошо.

Степан Железов или, как его называли почти все в школе, Стёпка-Железка всегда приходил мне на помощь в трудную минуту. Высокий рост и широкое телосложение говорили сами за себя: он вселял ужас в сердца обидчиков и воодушевлял своим видом пострадавших.

– «Хорошо» это не «отлично»! Кто тебя обидел?

– Правда, всё хорошо. Просто настроение не очень, – оправдывался я, чтобы улизнуть от объяснений.

– Нет, тебя точно кто-то обидел. Я разберусь, в чём проблема, – пообещал он, сжимая кулаки.

– А если это проблема, которую нельзя решить грубой силой? – поинтересовался я.

– Таких проблем нет! – ответил Стёпка-Железка.

– Нет. Они есть. Например, долгая депрессия...

– Не знаю, Мишка. У меня никогда не было депрессии, – радостно заявил Степан.

Я хотел что-то сказать, но на телефон пришло сообщение от неё: «когда у тебя закончатся уроки?».

«В 14:10», набрали мои пальцы в ответ.

«Хорошо. Буду ждать тебя в 14:40 там же, где обычно. Ты не против, если я возьму с собой подругу?»

«Не против. Просто мне придётся прихватить с собой друга»

– Степан, пойдёшь со мной сегодня после школы на... встречу с одной... одним другом? – обратился я к Железову.

– Как скажешь. Всё равно у меня нет планов на сегодня, – согласился Стёпка-Железка.

Оставшееся время до конца уроков я снова мечтал о ней...

Глава вторая

Обычно мы встречались возле фонтана на центральной площади нашего небольшого городка.

Она, как всегда, опоздала на несколько минут.

Мы перекинулись самыми обычными приветствиями. Завязался недолгий разговор.

– Ты говорила, что возьмёшь с собой подругу.

– Она опаздывает. А как твой друг? – взгляд её тёплых и нежных глаз, подобных Моне Лизе, навсегда врезался в мою память.

– Он... тоже... опаздывает, – немного запинаясь от волнения, вызванным её взглядом, проболтал я.

Она улыбнулась самой мягкой и радушной улыбкой из всех, что я когда-либо видел. Мне захотелось сказать ей что-то важное. Но появление Железова разрушило мои планы.

– Ну, что? Куда идём? – спросил он у меня, дёргая бровями.

– Сначала мы дождёмся мою подругу, – грозно ответила моя собеседница, которую не заметил Стёпка-Железка.

«Похоже, он ей не нравится», пролетело у меня в голове.

– Ты говорил, что идёшь с другом, а не с девушкой, – шепнул мне Железов.

– Она – друг, – спокойно ответил я.

– Чёрт. Будь осторожен. Она мне не нравится, – заключил он и ушёл в сторону, под косые взгляды моей спутницы.

Наконец, пришла её подруга Женечка в лёгкой кофточке, на которой изображался радужный единорог.

Железов сразу оценил шёлковые кудри и стройный торс Женечки.

– А вот она мне нравится, – шепнул мне Степан с улыбкой.

– Интересно, чем? – намеренно съязвил я.

– Подрастёшь, поймёшь, Морковка, – он хлопнул меня по плечу и обратился к Женечке. – Меня зовут Степан. И... мне тоже нравятся единороги. Да. Очень нравятся.

– Приятно познакомиться, Степан, – улыбнулась ему Женечка.

– Так куда мы пойдём? – спросил я свою подругу с глазами Моны Лизы.

– На заброшку? – предложила она.

Я кивнул.

Заброшкой мы называли заброшенное пятнадцатизэтажное здание на краю нашего города.

Подойдя к этому кирпичному гиганту, мы увидели открытую железную дверь и распахнутое окно в одной квартире первого этажа.

– В окно или в подъезд? – спросил голос Железова.

– Конечно, в подъезд. Я бы не рисковал лезть в окно, – ответил мой голос.

– Как хочешь, – заключил Железов и прошёл первым в здание, наполненное непроглядной бездушной тьмой.

– А у кого-нибудь есть фонарик? – поинтересовалась она, держа меня в объекте своих карих глаз Моны Лизы.

– Да, у меня на телефоне неплохой фонарик имеется, – с пафосом произнес Стёпка-Железка, подмигивая Женечке.

Наши ноги вступили на пыльные ступени заброшенного подъезда, слегка освещённого фонариком Железова.

Темнота и неизвестность ждала нас четверых...

Поднявшись на третий этаж, мы уже начали передвигаться спокойней до того момента, когда из не откуда послышался женский крик.

Мы испугано переглянулись.

– Это... наверное, какие-то дураки прикалываются над нами, – неуверенно заверил нас Степан.

На четырнадцатом этаже наша компания вошла в какую-то квартиру, наполненную дневным светом, проникающим с балкона.

Степан и Женечка остались в полумрачной квартире, в то время как мы вдвоём вышли на балкон.

Небосвод притягивал взгляд к себе. Тёплое солнце приятно согревало сердце. Четырнадцатый этаж придавал окружающему пейзажу незабываемо-широкий вид.

– Помнишь, как мы познакомились? – неожиданно начало она разговор.

– Да. Такое нельзя забыть. Если бы не проблемы с интернетом, я бы не вышел прогуляться по деревне...

– И не встретил бы меня, – улыбнулась она, облокотившись на непрочные железные перилла балкона.

– Именно. Знаешь, мне давно хотелось тебе кое-что сказать... Вернее, мне хотелось это сказать ещё в первый день нашей встречи, – я остановился, вспомнив, что нас могут подслушать... но, впрочем, какая разница? – Когда я встретил твой взгляд своим, то понял это. Я, понимаешь... наверное, это... странно будет услышать такое, но это правда. Раньше я никогда не чувствовал подобного, но сейчас я просто... я просто задыхаюсь при одной мысли об этом. Мою кожу бросает в жар, а кости начинают леденеть. Иногда я просто начинаю сходить с ума. Возможно, у меня шизофрения или мне это всё просто снится, но даже если всё происходящее сон... я знаю точно одно... в общем, я лю...

– Как думаешь, Женя и твой дружок не бросят нас? – перебила она, не дав мне закончить своё признание.

– Думаю, с ними всё будет в порядке. Стёпа не бросит её одну и тем более не бросит нас. Можешь не верить, но он всегда всем помогает, – сказал я немного взволнованно, из-за неудачного признания.

– Не знаю почему, но я не доверяю твоему Степану, – её взгляд пронзил моё сердце, словно копьё Чингисхана.

– Знаешь, когда в младшей школе меня задирали, он первый мчался мне на помощь, – решил я отстаивать честь своего друга. – Он появлялся неоткуда, словно ветер. Можешь не верить, но Стёпа напоминал в такие моменты стального робота из фантастических фильмов. Наверное, поэтому мы называли его Стёпка-Железка...

– А, по-моему, это просто ржавый дровосек из сказки «Изумрудный город», – улыбочиво заметила она.

Улыбаясь, она всегда напоминала кролика. Смешно, однако.

– А помнишь, как мы ловили бабочек? – вспомнилось мне почему-то.

Она со смехом взглянула на меня.

Я подошёл к краю балкона и начал имитировать ловлю бабочек. Спустя пару минут послышался какой-то треск.

– Ты всегда был хорошим актёром, – сказала она, уходя из одного угла балкона в другой. – Всегда знал, что говорить. Правда, иногда ты несёшь полную чушь, но... но я люблю тебя, несмотря ни на что.

Я радостно побежал к ней, чтобы заключить её в объятиях, но внезапно поверхность хрустнула. Всё произошло слишком быстро. Одна моя рука схватилась за ручку двери с балкона в квартиру, а другая потянулась к ней, но внезапно бетонный пол балкона наклонился, и она полетела вниз, подобно камню, брошенному в воду...

Я ничего не успел сделать...

Она упала вниз. Её тело... больше не походило на неё...

Её больше не было...

Я начал кричать. Да что там?! Я просто вопил от душевной скорби, пытаюсь из-за всех сил понять произошедшее на моих глазах.

На мои всхлипывания прибежали Женя и Степан.

– Что случилось? – взволнованно спросили они.

– Она! Она! Она... Она упала, – попытался ответить я.

– В смысле?

– Б-ба-балкон... балкон не-не выдержал.

Я не выдержал долгих объяснений и бросился вниз по лестнице...

Да, именно тогда всё и началось. В ту минуту, когда она упала...

Глава третья

Две недели я не выходил из дома. Меня терзала вина за её смерть.

А потом мне показалось, что всё идёт так намеренно, потому что так нужно...

Мне показалось, что нужно продолжать жить несмотря ни на что.

С этими противоречивыми мыслями я отправился в школу.

Первым меня встретил Стёпа Железов.

– Давно не виделись. Ты, наконец, отошёл от того несчастного случая?

– Нет. Это был не несчастный...

– Слушай, Миша, успокойся, – попросил Железов, прикладывая свою руку к моему плечу. – Знаешь, красивых девушек огромное множество. Подумаешь, одна того... ну, ты понял. Но есть и другие...

– Что ты хочешь сказать?

– Я хочу сказать: «Забудь её. Она умерла, а ты жив. Иди и живи с другими девушками, которые более умные и красивые».

– Можно задать тебе вопрос, Железка? – сменил я тон голоса на более грозный. – У тебя вместо мозгов протеин?

Степан вопросительно посмотрел на меня.

– Не подходи больше ко мне, – решил я закончить разговор на нейтральных нотах.

– Неужели так сложно взять и забыть? – окликнул меня Степан, когда я уже уходил прочь. – Даже Женя уже забыла её. А ты продолжаешь отдаляться от своих друзей. Пойми, мы волнуемся за тебя...

– Волнуетесь?! То есть, если со мной что-то случится вы забудете nasledующий день и продолжите смеяться, как ни в чём не бывало?!

– Успокойся! Хватит, Миша! – он схватил меня за плечи и начал трясти.

– Отошёл, – грозно воскликнул я, поднося кулак к его серо-синим глазам.

– Так почему вы подрались? – допрашивал нас директор в своём кабинете.

– Понятия не имею. Морковкин взял и ударил меня, – начал объяснять Степан.

– Железов сам спровоцировал своим гнилым языком. Если вы не против, я бы с радостью ударил его вновь, только сильнее. А затем продолжил бы избивать этого предателя до полусмерти.

– Хватит, Морковкин! Надеюсь, ты больше не будешь устраивать драки. Кулаками ничего...

– Не решишь? – поймал я директора на слове. – Я знаю. Миллион раз слышал эти слова. Но это просто слова! Бывают обстоятельства, когда нельзя оставаться в стороне и не применять грубую силу, потому что в таких обстоятельствах человек поддаётся самым разнообразным эмоциям. Мне казалось, что вы, как директор, должны это понимать, но, похоже...

– Иди на урок Морковкин, – отводя взгляд, произнёс директор.

Я, молча, вошёл в класс к середине урока, садясь за парту с Картошкиным.

– Морковкин? – поймал меня взглядом учитель. – Ты забыл обо всех правилах поведения? Ты отсутствовал две недели по непонятным причинам и, к тому же, приходишь к середине второго урока...

– Не обращайтесь на меня внимания, если я такой «плохой». Серьёзно, продолжайте урок. Я просто посижу и помолчу, – ответил мой немного разбитый голос.

– Ты подаешь плохой пример, – продолжал учитель. – Ты понимаешь, что это плохо для тебя кончиться?

– Мне плевать.

– Морковкин, реально успокойся. Ты сам не свой, – вмешался Картошкин, румяня щёки от удивления, вызванного происходящим.

– Пирожок, отстань. Ах, да! Ты же картофель, а не пирожок. Хотя, нет! Для картофеля ты больно жирный, – я встал из-за парты и обратился к учителю. – Можно я пересяду от этого... на свободное место, возле окна?

Учитель не успел и слова произнести, как я уже расположился за одинокой партой возле окна.

– Может, ты прекратишь этот цирк, Морковкин?! – крикнул мне учитель, терявший терпение.

– Хорошо, – бросил я с холодной ухмылкой. – Если вам не нравится моё присутствие, то откланиваюсь и удаляюсь, – моя физическая оболочка издевательски поклонилась. – До свидания!

Я громко хлопнул за собой дверью.

Больше я не воспринимал школу всерьёз. Никогда.

«Забыть её? Этим миром правят идиоты? Жить дальше? Как?! Без неё нет жизни. Я виноват в её смерти! Почему так сложно это понять, чёрт возьми? Все, кому я верил, предали меня...», думал я в те минуты, «Мир полон Брутов, вонзающих ножи в спины Цезарей. Это единственное объяснение для всего происходящего...».

Чтобы заглушить сердечную боль и одинокую душевную тоску, я представил её перед собой. Да, это просто иллюзия, созданная воображением, но это единственное, что у меня осталось от... неё...

– Ты всегда будешь со мной, – прошептал я со слезами в глазах.

Наши руки потянулись на встречу друг другу. На миг мне показалось, что мы взлетаем в небеса, будто мы улетаем из этого жестокого брэнного мира, полного предательства и обмана...

Реальность

Глава первая

Лепестки роз такие нежные, гладкие и приятные, словно девичья кожа. Вернее её кожа. Только её.

Забавно, не правда ли? Конечно, нет. Это не смешно и не весело, ибо неудавшаяся платоническая любовь, как правило, вводит в глубокую депрессию, из которой сложно найти выход, если вообще удаётся...

В моём случае, любовь не вызвала радости, она принесла боль, печаль, тоску, одиночество.

Знаю, слышать такое от человека моего возраста странно: мне едва перевалило за двадцать, а я продолжаю считать, что настоящие истинные чувства умерли во мне ещё в юности...

Но что поделать? Просто, чтобы понять меня, надо мной быть.

Многие скажут, что я не знаю жизни, что мне всего двадцать и вся жизнь впереди, что ещё встречу свою единственную и всё в таком духе. Однако встречались на моём жизненном пути интересные девушки до неё и после; ни одна не смогла затмить её образ, влетевший в сознание, подобно выстрелу пули в висок...

Подумать только: ни одна девушка не смогла затмить девчонку, с которой я был знаком каких-то два месяца...

Она умерла. Иногда мне казалось, что нужно продолжать жить дальше, но с кем? Никто не смог затмить её. Даже её образ, созданный моим воображением, не является ей.

– Неужели так сложно забыть про неё? – прервал мои размышления внутренний голос.

Я бы смог её забыть ещё в тот день, когда пришёл в школу спустя две недели, после того случая на балконе, если бы не всплеск кардинального изменения моего мировоззрения, в процессе которого пострадали все взаимоотношения с близкими, друзьями, знакомыми. Наверное, именно в этот период изменений, который некоторые называют взрослением, я и отдалился от всего в окружающем себя мире, зарывшись в одеяло собственной души.

– По-моему, ты просто драматизируешь...

Нет! Дело в том, что она меня понимала в отличие от других. Да что там! Она понимала меня единственная из всего мира! Понимала...

– Просто ты не сближался с другими. В какой-то степени ты сам внушил себе, что она – единственная. Уверен, если заменить её, эффект будет тот же самый...

Замолчи! Ты не понимаешь, я влюбился в неё с первого взгляда...

– Диагноз ясен: самовнушение...

– Ты никогда меня не понимал! – крикнул я свои мысли вслух.

– Я это ты, дурачок.

– Конечно! Что говорить обо всём мире, когда я не могу понять другую часть себя?!

– Снова драматизируешь?

– Тебя не спрашивали! – не сдержавшись, крикнул я и специально ударился носом об тумбочку, и хлынула кровь.

– Ты причиняешь боль не мне, а себе, – насмешливо заметил внутренний голос.

– Но если не будет меня, то не будет и тебя, – вставил я с ироничной улыбкой.

– Ты ненормальный. После такого отношения к самому себе, я не понимаю, как можно удивляться презрению со стороны всего мира...

– Ты знаешь, что это не так. Это меня все презирают и не замечают, – я начал сбавлять тон и говорить с самим собой спокойней прежнего.

– Слушай, тебе не надоело ещё?

Я удивлённо замолчал, выжидая, что скажет мой единственный собеседник.

– Ты никогда не проводишь параллель между собой сегодняшним и вчерашним...

Допустим. И что дальше?

– Ты не вспоминал те далёкие дни, до знакомства с ней? Ты забыл, что был душой компании и с любым человеком мог найти общий язык?

Не стоит ворошить прошлое. Это не повлияет на ход настоящего...

– Если не оглядываться назад, то никогда не удастся понять свои ошибки...

Ты хочешь, чтобы я ностальгировал о ещё более далёком прошлом?

– Неужели так сложно меня дослушать?

Ты несёшь какую-то чушь, которая мне безразлична...

– Может, уже прекратишь?

Что именно прекращу?

– Выстраивать защиту от окружающего себя мира, подобно Набоковскому Лужину. Ты не персонаж, придуманный автором, чей портрет висит над твоей кроватью. Ты это ты, Михаил Морковкин.

– Не произноси мою фамилию вслух! Никогда! – надрывал я глотку. – Зови меня иначе. Например, Михаил М.

– Что ж, простите, почитатель Кафки. Для полной картины не хватает только «Билли, двадцать три в одном» или хотя бы портрета Киза, – сознание ненадолго замолчало и сделало вывод. – Твоя крыша давно улетела за пределы стратосферы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.